

УДК 930.25 + 94(47).084.8

Елена Михайловна Мягкова

Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела
г. Москва, Российская Федерация
SPIN-code: 8022-9803; AuthorID: 391306
myagkova@vniidad.ru

Александр Витальевич Репников

Всероссийский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела
г. Москва, Российская Федерация
SPIN-code: 9694-6850; AuthorID: 420480
repnikov@vniidad.ru

Обзорная статья

ДНЕВНИКИ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (СПЕЦИФИКА ЖАНРА, ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЯ)

Осуществляется источниковедческий анализ блокадных дневников, оценивается их значимость в качестве исторического источника. Выделяются особенности блокадных дневников, подчеркивается их уникальность и отличие от других документов личного происхождения военного времени. Обращается внимание на особое место блокадного дневника в культурной памяти Ленинграда – Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, воспоминания, дневники, документы личного происхождения, исторический источник, письма.

Для цитирования: Мягкова Е.М., Репников А.В. Дневники жителей блокадного Ленинграда как исторический источник (специфика жанра, формы, содержания) // Вестник ВНИИДАД. 2024. № 2. С. 88–98.

Поступила в редакцию: 19.03.2024
Поступила после рецензирования: 23.03.2024
Принята к публикации: 27.03.2024

Received: 19.03.2024
Revised: 23.03.2024
Accepted: 27.03.2024

BESIEGED Leningrad's CITIZENS DIARIES AS A HISTORICAL SOURCE (SPECIFICITY OF GENRE, FORM, CONTENT)

A source analysis of the siege diaries, and their significance as a historical source are presented. The features of the siege diaries, their uniqueness and difference from other documents of personal origin during the war are highlighted. Attention is drawn to the special place of the siege diary in the cultural memory of Leningrad – Saint Petersburg.

Keywords: diaries, documents of personal origin, the Great Patriotic War, historical source, letters, memories, the Siege of Leningrad.

For citation: Myagkova E.M., Repnikov A.V. Besieged Leningrad's citizens diaries as a historical source (specificity of genre, form, content). *Vestnik VNIIDAD = Herald of VNIIDAD*. 2024;2:88–98. (In Russian).

Введение

В современном источниковедении свідетельства о прошлом с ярко выраженной субъективной составляющей (в противовес официальным документам) обозначаются несколькими терминами: «мемуаристика», «документы личного происхождения», «эго-документы», «личностно-коммуникационные письменные источники».

Среди них термин «документы личного происхождения» является наиболее распространенным и обозначает документ, «созданный лицом вне сферы его служебной деятельности или выполнения служебных обязанностей»¹. Поскольку в советском источниковедении сформировалось устойчивое отношение к документам личного происхождения как к носителям информации, в которых субъективное изложение событий подвержено искажению и достоверность которых должна всегда

вызывать сомнение историка [1], с конца 1980-х годов появился термин «эго-документы», то есть «источники, характеризующиеся неперенным присутствием Я и не столько запечатлевающие исторические события, сколько создающие их ощущение» [2, с. 6].

М.Ф. Румянцева справедливо отмечает, что понятие «источники личного происхождения» указывает на происхождении документа в приватной сфере его автора, а понятие «эго-документы» отсылает к социальной функции исторического источника [2, с. 36]. Исходя из их функции (установление межличностной коммуникации), автор предлагает свою внутривидовую классификацию: источники *автокоммуникативного характера* (дневники) и источники *межличностно-коммуникативной направленности* с фиксированным (эпистолярные источники и мемуары-автобиографии, предназначенные для потомков мемуариста) и неопределенным адресатом (мемуары-истории, исповеди, эссе) [3, с. 466–467].

Независимо от терминологических споров, свойства документов личного проис-

¹ См.: ГОСТ 16487-83. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. П. 25; ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. П. 22.

хождения отражают их общие признаки, связанные с проявлением личного начала в фиксации и передаче информации о прошлом:

- субъективность (зависимость информации от взглядов, суждений, мнений, представлений и т.п. автора источника);
- ретроспективность (связана с авторским отражением и фиксацией прошедших событий в синхронном или диахронном временном срезе);
- документальность (авторское отражение фактических событий прошлого, свидетельств о нем).

Дневники, воспоминания, письма

Термин «мемуаристика» укоренился в России в XIX столетии и обозначал «повествование о событиях, в которых автор мемуаров принимал участие или которые известны ему от очевидцев»². В рамках этого определения не разграничены разновидности источников личного происхождения (дневники, автобиографии, письма), не учитывается их специфика. Не случайно издатели и критики в XIX веке не делали между ними разграничений, называя один и тот же документ и «дневником», и «записками», и «мемуарами» [4]. На протяжении XX века происходили постепенное признание за дневником самостоятельного жанра нехудожественной прозы и отход от представления о нем как вспомогательном источниковедческом материале.

Дневник – воспоминания. Главный принцип разделения дневников и воспоминаний – ретроспективность. Синхронность дневниковых записей по отношению к изображаемым событиям придавала им

качества оперативности и достоверности. Диахрония воспоминаний отчасти восполнялась глубиной и философичностью поздних оценок, но не всегда была точна с фактографической точки зрения. В итоге воспоминания оказываются менее ценным источником, так как на них накладывается позднейшая информация: литература, кино, другие прочитанные воспоминания. Самоцензура автора в воспоминаниях становится намного выше, чем в дневниках, когда ретроспективной информации еще нет. Вместе с тем известны случаи последующей правки дневников их авторами.

Например, в ряде интервью, взятых во время блокады, К.В. Ползикова-Рубец описывает блокаду как балансирование между страданием и героизмом. Этот материал довольно точно отражает ее воспоминания, опубликованные в 1954 году. Однако в ее дневнике представлен другой взгляд на блокаду, где на первый план выступают страдание от истощения, жадность и смерть. Вопрос заключается в том, какой из этих источников является более достоверным [5, с. 21].

Дневник – письма. Как дневнику, так и письму присуща оперативная информативность: они передавали сведения за короткий, строго определенный промежуток времени в форме своего рода отчета (временная ограниченность). Однако дневник мог фиксировать подневные события пунктирно, то есть не передавал их в подробностях, ограничиваясь намеками, по которым впоследствии автор легко восстанавливал в памяти пережитое и виденное, а письмо не допускало сокращений и умолчаний, так как адресат должен был иметь точную и по возможности полную информацию о событиях от своего корреспондента.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 19. СПб., 1896. С. 70. URL: <https://broukgauzefron.slovaronline.com> (дата обращения: 01.04.2024).

Виды дневников жителей блокадного Ленинграда

Среди дневников жителей блокадного Ленинграда можно выделить:

- классический дневник – велся годами и десятилетиями, нередко всю сознательную жизнь (блокада – только часть этого документа);
- блокадный дневник – охватывал определенный критический период в жизни автора (пограничная ситуация), по прошествии «события» (блокады) дневник часто прекращался навсегда.

Ведение классических дневников было традицией, идущей еще с XIX века. Вести дневники было модным занятием, так было принято в интеллигентных семьях, это был стиль жизни. В СССР ведение дневника писателями, учеными, корреспондентами, режиссерами, актерами и прочими творческими людьми в определенной мере рассматривалось как часть их профессиональных занятий (творческой «лаборатории»). О.Ф. Берггольц вела дневник с 1923 по 1971 год; А.В. Шапорина – с 1898 по 1967 год (систематически и подробно начала писать весной 1917 года); З.П. Шабунина – с 1928 по 1952 год; С.К. Островская – с 1913 по 1968 год; Г.А. Князев вел дневник с гимназии (с 1895 года) всю жизнь (умер в 1969 году).

В настоящее время, по подсчетам проекта «Прожито», известно более 500 блокадных дневников [6, с. 421]. Феномен блокадного дневника выделяется на общем фоне войны. Многие из тех, кто вел эти записи, ранее никогда не делал этого и не продолжил их впоследствии. Понимая трагическую уникальность ситуации, в которой они оказались, авторы дневников оставили нам источник, который еще предстоит осмыслить. В особенности это касается записей детей и подростков, чей

период взросления пришелся на период блокады и войны. Интерес к сохранению и изучению этого наследия в силу различных причин затухал («Ленинградское дело») или проявлялся (выход «Блокадной книги» А.М. Адамовича и Д.А. Гранина; «архивная революция» 1990-х годов). Исследователями предпринимаются успешные попытки сохранения, публикации и анализа дневникового наследия блокады³.

Отличительные особенности блокадных дневников

Массовость ведения дневников. Ведение дневника во время блокады стало одним из «ленинградских феноменов» [5, с. 35]. Потребность в ежедневном фиксировании собственных переживаний и мыслей часто шла вразрез с чисто прагматическими представлениями (моделями поведения): выжить истощенному голодом человеку помогала не экономия физических сил, а решение сложнейшей интеллектуальной проблемы – объяснение происходящего, поиск смысла жизни, определение собственной сопричастности историческим событиям [7, с. 6]. «Не сводясь к простой фиксации событий, дневник часто решал дополнительную задачу: вписать автора в эпоху, начать диалог между Я и временем в исторических категориях и таким образом вывести Я на уровень субъекта истории. Двоякая цель

³ См.: Мягкова Е.М., Репников А.В. Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 2: документы личного происхождения, интернет-проекты // Вестник ВНИИДАД. 2022. № 3. С. 69–89; Мягкова Е.М., Репников А.В. Ленинградская битва и блокада Ленинграда в публикациях архивных документов 1991–2022 годов. Часть 3: документы личного происхождения (дети и подростки) // Вестник ВНИИДАД. 2022. № 4. С. 94–109.

дневника – фиксация истории в ее становлении и фиксация становления собственного Я как субъекта истории – определяла многое в дневниках коммунистов того периода, но распространялась и на авторов, критически относившихся к коммунистическому режиму» [8, с. 79].

Те, кто не вел дневник до начала Великой Отечественной войны, объясняли, как правило, мотивы, побудившие их начать делать записи. В тех дневниках, которые велись уже давно, появились новые акценты, четко выделявшие дневник блокадного периода из предыдущего и последующего текстов. Например, вопреки одной из характерных особенностей дневников как жанра, который не предполагает широкий круг читателей, авторы задумались о важности фиксируемой информации и необходимости ее сохранения. «Для кого же я пишу?» – спрашивает себя архивист Г.А. Князев в своем дневнике и чуть далее дает ответ: «Для тебя, мой дальний друг, член будущего коммунистического общества». 10 сентября 1941 года сделана запись о возможном будущем читателе: «Он найдет в моих записках честное отображение действительности сквозь призму моего сознания на моем малом радиусе. Все лишнее он отбросит, а некоторые детали, возможно, дадут ему возможность живее, яснее представить, сопережить наше страшное время» [9, с. 33, 166].

Массовость блокадных записей тем более поразительна, что в советском обществе бытовало отношение к дневнику как к несерьезному занятию для взрослого человека (исключением здесь были представители интеллигенции и творческих профессий, для которых дневник был своеобразной лабораторией мысли). В 1920-е годы ведение дневников поощрялось у школьников и молодежи «как педагогический инструмент»

и «средство саморазвития», но это был не личный, а публичный документ, предназначенный для изучения и анализа старшими товарищами (учителями), сверстниками и коллегами. Иной («личный») тип дневника считался мешанством [8, с. 62–63].

Не располагало к ведению более или менее систематических записей и усиление коллективного контроля над личностью, а тем более та политическая ситуация, в которой документ мог оказаться вещественным доказательством «антисоветской деятельности». Сотрудники НКВД анализировали дневники, изъятые во время обысков у подозреваемых в контрреволюционной деятельности. Даже лояльный к власти дневник мог принести неприятности. Предполагалось, что враг маскируется под коммуниста, то есть «лояльные коммунистические дневники представляют собой часть этой сложной маскировки». Если же в дневнике были критические записи, то это тем более трактовалось однозначно негативно (например, дневник убийцы С.М. Кирова Л.В. Николаева использовался для демонстрации его вырождения, разложения и проч.) [8, с. 72–74].

О.Ф. Берггольц, уже испытывавшая ранее силу репрессивной машины, на протяжении блокадных лет продолжала вести дневник с откровенными оценками событий, личными переживаниями, любовными размышлениями, понимая, чем может обернуться для нее ознакомление недоброжелателей с этими текстами, и поэтому прятала дневники [6, с. 23].

Мотивы, побуждавшие вести дневник. Среди мотивов, побудивших людей, ранее не ведших дневников, к записям, выделяется, во-первых, осознание важности, исключительности происходивших событий.

«Уж сейчас надо собирать материалы, чтобы отобразить все, что делалось в Ленинграде. ... Я сейчас вижу свои недо-

статки в записях. Я видел много живых примеров героики, записывал безлико – это недостаток... впредь следует давать конкретные примеры. Я сейчас очень жалею, что начальный период – период создания оборонных рубежей и массовых налетов на Ленинград... у меня остался не записанным. ...попытаюсь хотя бы отдаленными набросками записать то, что осталось в памяти» (1–3 апреля 1942 года) [6, с. 187–188].

Во-вторых, дневник позволял снять нервно-психологическое напряжение, осуществить «терапевтическое проговаривание, прорабатывание впечатлений, свершений, разочарований, потерь каждого дня» [6, с. 17], преодолевать состояние страха и одиночества, даже бороться с голодом [10, с. 65].

По мнению Н.Б. Роговой, дневник «стал выполнять функцию не только морального пристанища для обессиленного человека, загнанного в безвоздушное пространство аномального существования в мире, где смерть караулит каждого, – он становился “на караул” против самой смерти. Он был опорой на краю той “могилы, куда с ужасом заглянул каждый”» [11, с. 42].

Социальный состав. Следует все же учитывать, что в общей доле блокадников авторы дневников не составляли большинства, и среди ведущих записи присутствовали в первую очередь представители интеллигенции. Точные цифры назвать нельзя. Приведем пример собственного анализа, не претендую на обобщение⁴. Авторы

90 опубликованных дневников (нами отбирались те дневники, которые были опубликованы полностью или с незначительными и оговоренными принципами сокращения текста) распределились по следующим категориям: дети – 28; интеллигенция – 16 (художественная – 11, техническая – 5); служащие – 10; учителя – 9; партработники – 8; врачи – 6; ученые – 5; работники культуры – 4; рабочие – 4. Из них 10 человек вели дневник не только в блокаду (2 учителя, 2 ученых и 6 представителей художественной интеллигенции).

Эти достаточно неполные цифры позволяют все же сделать некоторые выводы: при массовости ведения дневников приходится констатировать феномен «немотствующего большинства» – представителей рабочих профессий. Вместе с тем, по мнению ученых, не следует преувеличивать «культурный разрыв между первым поколением советских служащих и специалистов, с одной стороны, и той рабочей или мещанской средой, из которой они не так давно вышли... Даже по строю фраз, по языку дневниковых записей без труда распознаешь голос улицы, едва затронутой образованием» [5, с. 28–29].

Напротив, удивительно много писали дети, и этот факт еще не получил в литературе достаточного объяснения [12, с. 417–421]. Возможно, дети воспринимали свой дневник не просто как процесс описания прожитых дней, а как друга, которому они доверяли, совершенно не осознавая в тот момент, что создают важный исторический источник [10, с. 68].

Отсутствие ведения дневника, разумеется, не может служить показателем отсутствия у блокадника переживаний, рефлексии, анализа событий и проч. В городе жили и те, кто не писал дневников и писем. Наконец, никто не сможет точно сказать,

⁴ Доклад Е.М. Мягковой и А.В. Репникова «Звуковое пространство Ленинграда в восприятии авторов блокадных дневников» на Всероссийской научной конференции «Звуки блокадного города (к 80-летию снятия блокады Ленинграда)» (Санкт-Петербургская академическая филармония им. Д.Д. Шостаковича, Санкт-Петербургский институт истории РАН, 26–27 января 2024 года).

сколько дневников было уничтожено, утеряно и т.д.

Характерные особенности содержания блокадных дневников

Достоверность отображения действительности (записи без оглядки на цензуру). Г.А. Соболев отмечает, что «подавляющая часть тех, кто вел дневники в осажденном Ленинграде, делала в них сокровенные записи прежде всего для себя, а не для истории» [11, с. 42]. Тем не менее 16 ноября 1941 года Г.А. Князев четко обозначает собственную роль, осознавая, что в сложившихся обстоятельствах дневник перестает быть просто отображением субъективного авторского взгляда, а превращается в важнейший исторический источник: «Здесь, на страницах этих записок, я прежде всего мыслящий регистратор фактов и [того], как эти факты переживаются, отображаются в сознании моих современников, в том числе и в моем собственном. Я записываю их, регистрирую. Ни на что больше я и не претендую. Конечно, я делаю это, преломляя факты сквозь призму своего сознания. Иногда я записываю и маловажные факты, которые потом можно было бы и вычеркнуть как ненужные, ничего не рисующие» [9, с. 308].

Если для воспоминаний характерны идеологические заданность и «выдержанность» (эти качества на всех уровнях контролирующих инстанций соблюдались особенно строго), то дневник более свободен от внешнего контроля.

Ощущение (длившееся весь долгий период блокады) того, что каждая запись может буквально стать последней в результате случайной гибели владельца дневника, оказывало особое воздействие на авторов и давало им определенную степень свободы.

Блокадный дневник – дневник гражданского человека. Если военному разъяснялось (да и сам он понимал) нежелательность записей в условиях фронта⁵, то для человека не на фронте опасности, что его дневник попадет в руки врага или выдаст противнику военные тайны, не было.

Свобода дневника в отношении цензуры делала его более достоверным источником, чем последующие воспоминания. В дневниках, как правило, нет серьезных искажений реальной ситуации. Другое дело, что люди фиксировали не только то, что видели собственными глазами, но и ту информацию, которая до них доходила (слухи, сплетни, дезинформацию) [13]. Таким образом, дневник в большей или меньшей степени «является мастерской по интерпретации информации», «созданию версий блокадной политической реальности, согласованной со взглядами автора» [6, с. 31–32].

Отметим, что в отсутствие официальной, внешней цензуры на содержание блокадного дневника серьезное влияние оказывала самоцензура авторов. В какой степени они были готовы фиксировать факты нарушения моральных норм? «Насколько легко человек может признать, что он

⁵ Опасность попадания в руки врага подобных записей подтвердили уже события первого этапа войны, когда пропаганда противника смогла использовать трофейный дневник майора НКВД И.С. Шабалина, погибшего осенью 1941 года. Его дневник был переведен на немецкий и 3 ноября 1941 года разослан штабом 2-й танковой группы Г. Гудериана по частям. В начале марта 1942 года один из таких экземпляров был захвачен Красной армией (Люди на обочине войны. «Сколько людей расстреляли вы за это время?». Из трофейного дневника начальника особого отдела армии // Отечественные записки. 2006. Т. 31 (4). С. 326–341).

украсть чужой хлеб, даже если это сделано для спасения детей? Это было бы признанием не столько факта нарушения закона, сколько разрушения собственной личности. Гораздо легче писать о том, как я избежал искушения украсть чей-либо хлеб, или о боли, которую я пережил, видя чью-то смерть, или же о негодовании, которое испытал, видя спекуляцию хлебом на Сытном рынке» [5, с. 20]. Налицо противоборство двух противоположных тенденций. Одна из них влекла к нравственному одичанию; вторая интегрировала в себе силы сопротивления, защиты укорененного в обычаях социального порядка [5, с. 27–28].

Неслучайны в связи с этим изменения, произошедшие в создании образа врага: немцы отошли на второй план – «их считали чем-то вроде стихийного бедствия... прошедшего стадию кульминации». Врагом могла восприниматься власть (государственная и городская), не делающая, по мнению авторов, для спасения людей всего возможного. Но главными врагами становились окружающие – спекулянты и просто живущие лучше других [14, с. 470, 156].

Правдивое описание темных сторон действительности и сегодня вызывает чувство отторжения у людей, переживших блокаду, кажется им вульгарным и даже оскорбительным [5, с. 25]. Сходную стратегию нередко занимают и историки. При сравнении оригиналов блокадных дневников с опубликованными версиями обнаруживается, что даже в недавних публикациях присутствуют изъятия фрагментов, за которыми скрываются наиболее болезненные переживания блокадников и их близких [5, с. 30].

Следовательно, с одной стороны, дневник не может быть использован для установления абсолютной истины истории, с другой – он представляет ценный мате-

риал. В этом отношении важное значение имеют развернутые комментарии и уточнения к публикуемым текстам, в том числе с опровержением присутствующих в дневниках ложных слухов, ошибок и проч.

Свидетельства о сдвигах в массовом сознании. У исследователей остается много вопросов о том, насколько блокадные дневники свидетельствуют о сдвигах в массовом сознании:

- Можно ли говорить о «блокадной этике» как уникальном явлении или это частный случай феномена выживания человека в экстремальных условиях? [5, с. 37]

- Идет ли речь о временной деформации норм, связанной с адаптацией к экстремальным условиям, или о некоем завершившемся процессе трансформации людей и общества, которое качественно изменилось, стало жить на основе иных морально-нравственных принципов? [5, с. 12]

- Как осмысливается странный (и страшный) «зазор» между сохранением многих прежних форм жизни и их новым жутким наполнением? [5, с. 8]

Эта тема впоследствии интересовала писателей: «Я поняла наконец, что я сейчас чувствую. Это четвертое измерение... Я не помню, где это я читала, Герберт Уэллс? Или... Ну, про зеленую калитку. Мальчик вдруг увидел калитку в стене. Вошел – и очутился в другом мире. Совсем в другом. А потом вернулся. А когда снова хотел пойти туда, калитки уже не было. Ничего не было... Значит, он есть, этот мир! Был и есть. Всегда есть. Где-то рядом. Совсем иной. Только там, в рассказе, он светлый, хороший. А вот мы оказались в другом. И кажется, что наш мир, ну, тот, в котором мы все время жили, тоже где-то тут, рядом, а войти в него нельзя. Ни стены, ни забора, а вернуться нельзя» [15, с. 32].

Можно отметить определенное противоречие. С одной стороны, дневник – это несомненная форма рефлексии и преодоления трагической повседневности, с другой – люди, максимально погруженные

в такую повседневность, не имеют ни потребности, ни возможности для рефлексии над ней [5, с. 25]. Часть дневниковых записей в такой ситуации неизбежно сводится только к краткому перечислению событий.

Список источников

1. Мемуары как исторический источник: учеб. пособие по источниковедению истории СССР / отв. ред. И.К. Додонов. М., 1959. 80 с.
2. История в эго-документах. Исследования и источники / отв. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: АсПУр, 2014. 368 с.
3. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие для гуманит. спец. М.: РГГУ, 1998. 701 с.
4. Егоров О.Г. Литературный дневник XIX века (История и теория жанра): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 360 с.
5. Диалог о книге. «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.» Сергея Ярова // Отечественная история. 2014. № 3. С. 3–43.
6. «Я знаю, что так писать нельзя»: феномен блокадного дневника / сост. А.Ю. Павловская; науч. ред. Н.А. Ломагин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 462 с.
7. Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Кн. 2. СПб.: Остров, 2015. 256 с.
8. Хельбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛО, 2017. 424 с.
9. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. 1220 с.
10. Рослова В.А. Сборники дневников о блокаде Ленинграда, опубликованные в начале XXI в., как исторический источник // Гуманитарный акцент. 2019. № 4. С. 64–68.
11. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: СПбГУ, 2013. 696 с.
12. Ковалев Б.Н. Детские дневники как источник по истории блокады Ленинграда // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4. С. 417–421.
13. Пянкевич В.А. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014. 479 с.
14. Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.; М.: Центрполиграф, 2012. 603 с.
15. Чаковский А.Б. Блокада. Книга 1. Гл. XV // Роман-газета. 1969. № 12. С. 28–38.

References

1. *Memuary` kak istoricheskij istochnik: ucheb. posobie po istochnikovedeniyu istorii SSSR* [Memoirs as a historical source: textbook. manual on source study of the history of the USSR]. Ed. I.K. Dodonov. Moscow; 1959. 80 p. (In Russian)
2. *Istoriya v e'go-dokumentax. Issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents. Research and sources]. Ed. N.V. Surzhikova. Ekaterinburg: AsPUR; 2014. 368 p. (In Russian)
3. *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii* [Source study: Theory. History. Method. Sources of Russian history]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1998. 701 p. (In Russian)

4. Egorov O.G. *Literaturny`j dnevnik XIX veka (Istoriya i teoriya zhanra)* [Literary diary of the 19th century (History and theory of the genre)]: Doctor's degree dissertation. Moscow; 2003. 360 p. (In Russian)
5. Dialog o knige. "Blokadnaya e`tika. Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.". Sergeya Yarova [Dialogue about the Book. Sergey Yarov's "Siege Ethics. Beliefs about Morality in Leningrad in 1941–1942"]. *Otechestvennaya istoriya = National History*. 2014;3:3–43. (In Russian)
6. *Ya znayu, chto tak pisat' nel'zya»: fenomen blokadnogo dnevnika* ["I know I can't write like that": Siege Diary Phenomenon]. Saint Petersburg; 2022. 462 p. (In Russian).
7. *Blokada glazami ochevidcev. Dnevnik i vospominaniya* [The Siege through witness' eyes. Diaries and memories]. Vol. 2. Saint Petersburg: Ostrov Publishing House; 2015. 256 p. (In Russian)
8. Hellbeck J. *Revolyciya ot pervogo licza: dnevniki stalinskoj e`poxi* [Revolution on my Mind: Writing diary under Stalin]. Moscow: NLO Publishing House; 2017. 424 p. (In Russian)
9. Knyazev G.A. *Dni velikix ispy`tanij. Dnevnik 1941–1945* [Days of great trials. Diaries 1941–1945]. Saint Petersburg: Nauka Publishers; 2009. 1220 p. (In Russian)
10. Roslova V.A. *Sborniki dnevnikov o blokade Leningrada, opublikovanny`e v nachale XXI v., kak istoricheskij istochnik* [Sieged Leningrad collected diaries published at the beginning of XXI century as a historical source]. *Gumanitarny`j akcent = Humanitarian Focus*. 2019;4:64–68. (In Russian)
11. Sobolev G.L. *Leningrad v bor`be za vy`zhivanie v blokade. Kniga pervaya: iyun` 1941 – maj 1942* [Leningrad in the Fight for Survival in the Blockade. Vol. 1: June 1941 – May 1942]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House; 2013. 696 p. (In Russian)
12. Kovalev B.N. *Detskie dnevniki kak istochnik po istorii blokady` Leningrada* [Children's diaries as a source on the history of the siege of Leningrad]. *Ucheny`e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Novgorod State University*. 2022;4:417–421. (In Russian)
13. Pyankevich V.L. *"Lyudi zhili sluxami": Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* ["People Lived by Rumors": The Informal Communicative Space of Sieged Leningrad]. Saint Petersburg; 2014. 479 p. (In Russian)
14. Yarov S.V. *Blokadnaya e`tika: Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Siege ethics. Beliefs about morality in Leningrad in 1941–1942]. Moscow: Centrepolygraph Publishing House; 2012. 596 p. (In Russian)
15. Chakovsky A.B. *Blokada. Kniga 1. Gl. XV* [Blockade. Book 1. Ch. XV]. *Roman-gazeta = Roman-Gazeta*. 1969;12:28–38. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мягкова Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего отраслевым центром научно-технической информации Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), Москва, Российская Федерация.

Репников Александр Витальевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отраслевого центра научно-технической информации Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), Москва, Российская Федерация.

.....

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena M. Myagkova, PhD (in history), associate professor, deputy head of the Industry Center for Sci-tech Information of the All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (VNIIDAD), Moscow, Russian Federation.

Aleksandr V. Repnikov, Dr. (in history), associate professor, leading researcher of the Industry Center for Sci-tech Information of the All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (VNIIDAD), Moscow, Russian Federation.

.....